

ТЕОРИЯ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИННОСТИ КАК СПОСОБ ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗМЕРА ПРИЧИНЕННЫХ УБЫТКОВ

В.В. СЕРАКОВ,

магистр частного права, старший эксперт Центра арбитража и посредничества ТПП РФ

Учитывая, что в отечественной литературе отсутствуют специальные исследования германской теории адекватной причинности, настоящая статья посвящена ее изучению.

Поводом для написания статьи также послужило наличие устоявшихся позиций некоторых российских ученых по отождествлению теории адекватной причинности и критерия предвидимости убытков. Подобные тенденции в российской правовой литературе могут привести к возникновению путаницы в понимании указанных правовых явлений.

В статье рассмотрены как общие вопросы, связанные с теоретическим и практическим пониманием, а также недостатками теории адекватной причинности, так и частные вопросы, связанные с противопоставлением теории адекватной причинности и теории «о цели защиты» (Schutzzwecklehre), а также ее соотношением с критерием предвидимости убытков.

Ключевые слова: убытки; ограничение размера понесенных убытков; критерий предвидимости убытков; теория адекватной причинности; теория «о цели защиты».

THE THEORY OF ADEQUATE CAUSATION AS A MANNER OF LIMITATION OF DAMAGES

V.V. SERAKOV,

Master of Private Law, Examiner-in-chief at the Arbitration and Mediation Center of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

The article examines the general issues related to the theoretical and practical understanding of the theory of adequate causation (the theory), as well as shortcomings of the theory, and the particular issues associated with the opposition the theory and the theory «purpose of protection» (Schutzzwecklehre). The article also contains comparison between the theory and foreseeability of damages.

Keywords: damages; limitation of damages; foreseeability of damages; the theory of adequate causation; the theory «purpose of protection».

1. ДОКТРИНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ТЕОРИИ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИННОСТИ

Разработчиком теории адекватной причинности (Adäquanztheorie) (далее – адекватная причинность, теория адекватной причинности), появление которой относится к концу XIX в., является психолог Йоханнес Адольф фон Криз (Johannes Adolf von Kries). Последующий результат совершенствования теории адекватной причинности принадлежит таким ученым, как Рюмелин (Rümelin) и Трэгер (Traeger).

Теория адекватной причинности широко применяется в гражданском праве Австрии, Германии, Греции, Нидерландов, Португалии, Словакии, Швейцарии и Швеции.

В германской доктрине теория адекватной причинности характеризуется различными правоведами весьма схожим образом.

Так, по мнению И. Эберт (I. Ebert), согласно формуле адекватной причинности не следует принимать во внимание объективно из ряда вон выходящее развитие причинной связи, совершенно необычное стечение обстоятельств или невероятные последствия. При этом совершенно невероятные последствия не могут быть вменены причинителю вреда и считаются переносимым пострадавшим случайным вредом¹.

К. Вивег (K. Vieweg) писал, что событие в общем и целом – не только при весьма своеобразных и невероятных обстоятельствах, а также при обычном ходе вещей – должно быть способно повлечь за собой результат в том виде, в котором он наступил².

¹ Ebert I. in: Ermans Handkommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Mit AGG, EGBGB (Auszug), ErbbauRG, HausratsVO, LPartG, ProdHaftG, UKlaG, VAHRG und WEG / H.P. Westermann (Hg.). O. Schmidt, 2008. S. 31.

² Vieweg K. in: J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen: Eckpfeiler des Zivilrechts. Neubearbeitung 2008. Sellier; De Gruyter, 2008. S. 422.

Как считал О. Кан-Фройнд (O. Kahn-Freund), адекватная причинность в правовом смысле подразумевает наличие причинной связи в случае, если действие или бездействие способно привести к фактическому результату в отсутствие необычных и невероятных обстоятельств, а также в отсутствие соотношения этого действия или бездействия с обычным ходом вещей¹.

Характеризуя адекватную причинность, О. Кан-Фройнд писал о том, что отправной точкой германской доктрины возмещения убытков являются идея логической равнозначности условий и последующая идея о необходимости поиска на телеологическом, а не научном пути позитивного правила, благодаря которому будет проведено различие между причинностью в правовом и причинностью в естественном смысле, а также между действиями, являющимися простыми условиями событий и их правовой причиной. Другими словами, применение теории причинной связи позволит установить взаимосвязь между убытками и нарушением. При этом право определяет слишком отдаленные убытки, которые не находятся в причинной связи с противоправным действием или бездействием. Упомянутое позитивное правило, выводимое из судебных решений, означает то, что лицо не отвечает за такие последствия противоправного поведения, которые в соответствии с общими условиями абсолютно невероятны с учетом опыта, доступного во время нарушения².

Рассматривая доктринальные подходы понимания адекватной причинности в отечественной цивилистике, необходимо отметить мнение Г.К. Матвеева о том, что ее сторонники признают причинную обусловленность всех явлений в природе и обществе, но поскольку обуславливающих причин множество, то действительной причиной противоправного результата (ущерба) могут быть признаны лишь те действия причинителя, которые не только в данном конкретном случае, а вообще (обычно, всегда) приводят именно к этому, а не к другому результату. Иначе говоря, результат всегда должен соответствовать обычному представлению, т.е. быть типичным, адекватным³.

А.В. Егоров, отмечая важность адекватной причинности как критерия ограничения ответственности лица, допустившего нарушение, приводит следующее: «Если мы зададимся вопросом, насколько далеко должна распространяться ответственность нарушителя, имея в виду далекие и еще более отдаленные последствия его действий, нам придется установить какую-то границу, поскольку в противном случае любая обязанность по возмещению вреда будет бескрайней и необозримой»⁴.

¹ *Kahn-Freund O. Remoteness of Damage in German Law // Law Quarterly Review. 1934. Vol. 50. P. 517.*

² *Ibid. P. 516.*

³ *Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. С. 92.*

⁴ *Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 75.*

В продолжение рассмотрения вопроса, связанного с теоретическим пониманием адекватной причинности, следует затронуть вопрос о том, какое место адекватная причинность занимает в последовательности установления причинно-следственной связи в германском праве.

2. МЕСТО ТЕОРИИ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИННОСТИ В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ

В германском праве алгоритм установления причинно-следственной связи представляет собой двуступенчатую систему.

Первой ступенью является установление «ответственно-обосновывающей причинно-следственной связи» («haftungsbegründende Kausalität»), т.е. причинной связи между причинившим вред событием и нарушением защищаемого законом правового блага.

Второй ступенью является установление «ответственно-наполняющей причинно-следственной связи» («haftungsausfüllende Kausalität»), т.е. причинной связи между наступившим нарушением правового блага и возникшим вредом.

Тем самым, ответственно-обосновывающая причинно-следственная связь устанавливает общую обязанность компенсации вреда, а ответственно-наполняющая – связь нарушения с его последствиями. Последнее слово в вопросе наступления ответственности остается за ответственно-наполняющей причинно-следственной связью.

Неправомерно действующий субъект подлежит ответственности лишь в том случае, если он виновно повредил абсолютно охраняемое благо. При этом ответственность распространяется не только на область первичного вреда в части повреждения правового блага, но и на любой возникший в результате этого производный ущерб в части иного имущества потерпевшего¹.

Для отсеивания неординарных последствий нарушения в процессе установления причинно-следственной связи участвуют два критерия: эквивалентная каузальность и адекватная причинность. При этом оценка наличия эквивалентной каузальности и адекватной причинности производится при установлении как ответственно-обосновывающей, так и ответственно-наполняющей причинно-следственной связи.

Относительно последовательности оценки наличия эквивалентной каузальности и адекватной причинности применительно к последствиям нарушения Я. Шапп писал следующее: «Перед тем как суду предстоит установить адекватную причинность результата какому-либо действию, он должен установить эквивалентную каузальность, которая определяется по т.н. формуле «*conditio-sine-qua-non*». Согласно этой формуле любое условие является причинным для

¹ Шапп Я. Система германского гражданского права: Учебник для вузов / Пер. с нем. С.В. Королева. М.: Международные отношения, 2006. С. 155.

наступления какого-либо результата, если невозможно помыслить отсутствие этого условия без того, чтобы тут же отпал и сам результат. Если устранить только одно условие, отпадает и результат в том виде, как он фактически был реализован. Эквивалентную каузальность также обозначают как причинность в естественно-научном смысле. Следует иметь в виду, что адекватность подлежит проверке лишь после того, как прежде была подтверждена эквивалентная каузальная взаимосвязь. Действие, которое не является для какого-либо результата эквивалентно каузальным, тем более не может быть для него адекватно каузальным»¹.

Как писала И. Эберт, поскольку с точки зрения формулы эквивалентности все причины равнозначны, она, не проводя различий, охватывает любой непосредственный и опосредованный вред. Из-за своего необъятного характера формула эквивалентности, взятая сама по себе, не способна произвести релевантное ограничение обязанности возмещения в гражданском праве. Поэтому требуется ее дополнение иными критериями вменения².

Кроме того, в связи с тем, что эквивалентная каузальность «ведет к практически неограниченной области ответственности»³, адекватная причинность призвана ограничить разумными пределами круг причин, который не был ограничен эквивалентной каузальностью.

Таким образом, адекватная причинность имеет центральное значение в вопросе ограничения убытков. Однако нередко наряду с адекватной причинностью применяется еще один критерий вменения – так называемая теория «о цели защиты» (Schutzzwecklehre), речь о которой пойдет после рассмотрения судебной практики применения адекватной причинности и обсуждения некоторых недостатков, ставящих под сомнение целесообразность ее применения.

3. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ГЕРМАНСКИХ СУДОВ КАК ОСНОВА ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИНОСТИ

Как полагает Б.С. Маркесинис (B.S. Markesinis), теория адекватной причинности начала широко применяться германскими судами после принятия Верховным судом ФРГ (Bundesgerichtshof (BGH)) Решения от 23 октября 1951 г. (BGHZ 3, 261)⁴. Однако в литературе по данному вопросу нами была обнаружена иная точка зрения.

Так, голландский ученый Я. Хелльнер (J. Hellner) в поддержку позиции Ф. Линденмайера (F. Lindenmaier) указывал, что первые дела, где применялась адекватная причинность, были рассмотрены Имперским судом Германии (Reichsgericht

¹ Шапп Я. Указ. соч. С. 136, 138.

² Ebert I. Op. cit. S. 30.

³ Ibid. S. 30.

⁴ Markesinis B.S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. 2nd ed. Hart Publishing, 2006. P. 473.

(RG)) в 1902 г. При этом она представляла собой недостаточно разработанную теорию вплоть до 1913 г., т.е. до того времени, пока не было принято Решение по делу RGZ 81, 359¹.

Упомянутые позиции Я. Хелльнера и Ф. Линденмайера находят подтверждение в работе О. Кан-Фройнда, где указано значительное количество рассмотренных Имперским судом дел, связанных с применением адекватной причинности².

Следует отметить, что при установлении адекватной причинности существенная роль в решении этого вопроса отводится судебной дискреции.

Относительно этого вопроса К. Цвайгерт и Х. Кётц писали, что немецкая практика последних лет все больше склоняется к признанию того, что для ответа на вопрос о юридически значимых причинно-следственных связях необязательно опираться только на абстрактно-логические критерии. Очень важную роль здесь приобретают оценочные суждения³.

Оценка, лежащая в основе теории адекватности, сводится к тому, что имеются в виду только такие последствия ущерба, которые связаны с обстоятельствами причинения и наступление которых в момент этого события с точки зрения опытного наблюдателя не казалось полностью невероятным. Тем самым, не должно допускаться вменение таких последствий ущерба, которые могли наступить только по причине совершенно необычного стечения обстоятельств. Такие абсолютно неожиданные последствия не должны вменяться лицу, обязанному к возмещению ущерба. В случае исключительно случайного нанесения ущерба негативные последствия будет нести лицо, которое понесло убытки⁴.

Как и при любом «неопределенном правовом понятии», у судьбы есть свобода усмотрения, которая в процессе сравнения подобных случаев может сужаться, но в пограничных случаях требует от него субъективной оценки⁵.

В Германии судебная практика поддерживает теорию адекватной причинности по причине того, что у судьбы появляется возможность для более расширительного толкования подходов к ответственности за убытки, поскольку данная теория дает в распоряжение судьбы весомый инструмент судебного усмотрения. Гарантией же от бесконечной причинности служат иные выводы, например такой: целесообразно остановить ответственность там, где последствия являются

¹ *Hellner J.* The limits of contractual damages in the Scandinavian Law of sales (= Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia juridica Stockholmiensia. Issue 25). Almqvist & Wiksell, 1966. P. 42.

² *Kahn-Freund O.* Op. cit.

³ *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. М.: Международные отношения, 1998. С. 367.

⁴ *Larenz K.* Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. 1: Allgemeiner Teil. 14. neubearb. Aufl. C.H. Beck, 1987. S. 436.

⁵ *Ibid.* S. 437.

столь непривычными или настолько отдаленными, что считаться с ними невозможно исходя из общего человеческого опыта¹.

Таким образом, адекватная причинность не имеет нормативного закрепления в германском законодательстве, поэтому у судьи возникает широкое поле для дискреции, которая ограничена подходами, выработанными судебной практикой.

Для целей обозначения подходов судебной практики мы посчитали необходимым кратко изложить содержание двух дел: RGZ 81, 359 и BGHZ 3, 261, которые, по мнению нескольких авторитетных ученых, стали отправной точкой судебного применения адекватной причинности.

Нижеуказанные судебные дела касались возмещения деликтного вреда, что принципиально не влияет на применение германскими судами адекватной причинности в зависимости от характера спорного правоотношения, так как при возмещении убытков в контрактном и деликтном праве используется общий подход по вопросу установления адекватной причинности².

3.1. RGZ 81, 359 (Решение Имперского суда Германии от 15 февраля 1913 г.)³

Ответчик в соответствии с условиями контракта обязался отбуксировать два лихтера⁴ в обозначенное место. При этом ответчик допустил просрочку исполнения обязательства на один день. Именно в тот день, когда ответчик должен был исполнить свое обязательство, произошел шторм, в результате которого лихтеры были повреждены.

Как констатировал суд, причинная связь отсутствует в том случае, если убыток мог наступить только вследствие второго события, никак не связанного с первым. Вместе с тем вопрос, связанный с ответственностью, зависит от определенного опыта и уровня знаний, доступных для человека в момент наступления события. Более того, не имеет значения то, что результат, повлекший за собой убытки, мог быть ожидаемым при обычном ходе вещей. Достаточно установить, что объективная возможность наступления такого события в данной конкретной ситуации имеет центральное значение.

Также судье необходимо представить настолько, насколько это возможно для человека, неизбежную вероятность причинения ущерба, который впоследствии

¹ Егоров А.В. Указ. соч. С. 77.

² Такой точки зрения придерживались О. Кан-Фройнд (*Kahn-Freund O. Op. cit. P. 530*) и Я. Гельнер (*Hellner J. Op. cit. P. 42*).

³ *Kahn-Freund O. Op. cit. P. 517–518*.

⁴ Лихтер – разновидность баржи, грузовое несамостоятельное безэкипажное однотрюмное морское судно с водонепроницаемым люковым закрытием, используемое для перевозки грузов с помощью буксирных судов (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D1%85%D1%82%D0%B5%D1%80>).

наступил. Данный аспект должен быть установлен в негативной, а не в позитивной форме.

Является неправильной точка зрения о том, что ответственность за нарушение контракта возникает только в том случае, когда ущерб понесен при обычном ходе вещей. Наоборот, должник несет ответственность за все последствия нарушения контракта со своей стороны, однако он может быть освобожден от ответственности лишь в том случае, если ущерб понесен вследствие постороннего события, которое имеет отдаленную связь с нарушением.

К постороннему событию следует отнести случай столкновения двух лихтеров с судном, которое за день до этого происшествия было бы так далеко, что о столкновении не могло бы идти и речи. Вместе с тем изменение погодных условий в момент повреждения лихтеров нельзя отождествлять с событием такого рода.

Таким образом, Имперский суд с учетом обстоятельств дела признал доказанность убытков по указанному делу.

3.2. BGHZ 3, 261 (Решение Верховного суда Германии от 23 октября 1951 г.)¹

27 июля 1948 г. шесть судов, в том числе суда «Хайнрих Хирдсег» и «Эдельвейс», зашли в судоходный шлюз германского города Даттельна. Сотрудник, замещающий в этот день начальника шлюза, попросил шкиперов судов «Хайнрих Хирдсег» и «Эдельвейс» сообщить сведения о ширине своих судов. После этого шкипер судна «Эдельвейс» предоставил достоверные сведения, а шкипер судна «Хайнрих Хирдсег» допустил просчет и сообщил неточные данные. Полученные сведения были переданы оператору шлюзовой камеры.

По окончании процедуры получения указанных сведений сотрудник, замещающий начальника шлюза, удостоверившись в том, что ширина судов соответствует необходимым требованиям, закрыл ворота шлюза и выпустил воду из шлюзовой камеры. В то время, когда вода убывала, судна «Хайнрих Хирдсег» и «Эдельвейс» притерлись друг к другу. При этом происходящее не было принято во внимание, и процесс выпуска воды был завершен. Только после того, как направляющее судно, расположенное перед суднами «Хайнрих Хирдсег» и «Эдельвейс», двинулось с места, было установлено, что указанные судна притерлись друг к другу и не могут двигаться.

Сотрудник, замещающий начальника шлюза, и оператор шлюзовой камеры с целью освобождения судов приняли решение наполнить шлюзовую камеру водой. Во время наполнения камеры водой судна «Хайнрих Хирдсег» и «Эдельвейс» начали подниматься, а их боковые поверхности начали крениться и приобрели вид крыши; при этом судно «Эдельвейс» заполнилось водой.

¹ *Markesinis B.S., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. 4th ed. Hart Publishing, 2002. P. 633–638.*

У персонала шлюза, несмотря на предупреждающие сигналы, не было возможности остановить прибывание воды в камеру, вследствие чего команда судна «Эдельвейс» была спасена, но само судно затонуло.

Истец, который являлся страховщиком судна «Эдельвейс», предъявил требование к владельцу судна «Хайнрих Хирдсег» на том основании, что убытки были причинены по причине предоставления шкипером судна «Хайнрих Хирдсег» неточных сведений о ширине судна.

Ответчик возражал против удовлетворения иска и пояснил, что причиной убытков являются некавалифицированные действия персонала судоводного шлюза.

Верховный суд, обратившись к доводам апелляционного суда, констатировал следующее.

Неверное указание шкипером ширины судна «Хайнрих Хирдсег» было непосредственной и адекватной причиной не только зажатия судов, но и дополнительного ущерба в результате затопления, последовавшего от зажатия судов. В любом случае устранение зажатия судов с помощью наполнения камеры водой не было чем-то чрезвычайным – это было всего лишь решение, принятое персоналом судоводного шлюза.

Риски в работе судоводных шлюзов всегда относятся к практическому опыту. Такие риски возрастают, если кто-то предвидит опасность, например зажатие судов; в этом случае он вмешивается в ситуацию и должен ее устранить обычным путем в соответствии с имеющимся практическим опытом. Все произошедшее не является невероятным и должно быть предусмотрено шкипером в соответствии с имеющимся общечеловеческим опытом.

Таким образом, наличия недостатков в работе персонала шлюза недостаточно для прерывания причинной связи между предоставлением недостоверных сведений о ширине судна и затоплением судна «Эдельвейс». Предоставление недостоверных сведений, несмотря на действия персонала шлюза, имеющие косвенный характер, является обязательным условием (*conditio-sine-qua-non*) дальнейших событий.

Вывод апелляционного суда о том, что зажатие судов является адекватным последствием предоставления недостоверных сведений, был поддержан Верховным судом.

Вместе с тем Верховный суд указал на необходимость более подробного исследования апелляционным судом вопросов о бездействии должностных лиц персонала шлюза, которое могло быть независимой причиной понесенного ущерба («поведение персонала шлюза как лиц, присутствующих во время причинения ущерба, должно быть исследовано отдельно»).

4. НЕДОСТАТКИ ТЕОРИИ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИННОСТИ

Следует отметить, что любая правовая конструкция имеет те или иные недостатки. Равным образом и теория адекватной причинности обладает недостатками, за которые она зачастую подвергается особой критике.

Итак, первым слабым звеном адекватной причинности, на которое указывалось в доктрине и которое подвергалось наибольшей критике, является критерий «опытного наблюдателя».

И. Эберт писала, что субъективное усмотрение причинителя вреда и возможность предвидения последствий, влекущих ответственность, не играют никакой роли – следует определить, имеет место или нет адекватная причинная связь. При этом формирование нужного для решения данного вопроса суждения зависит от всех тех обстоятельств, которые могут быть распознаны оптимальным наблюдателем при условии привлечения всех находящихся в его распоряжении в момент причинения вреда человеческих знаний, почерпнутых из опыта¹.

На наш взгляд, опытный наблюдатель воспринимается как лицо, обладающее значительными знаниями о последствиях своего нарушения; при этом акцент делается именно на опытности лица².

К. Ларенц (K. Larenz) указывал, что от «опытного наблюдателя» ничто не останется скрытым, он будет знать практически все. Для всезнающего человека фактическое течение событий, даже если оно будет необычным, всегда является прогнозируемым³.

А.В. Егоров, опираясь на позицию К. Ларенца, отмечает, что чем больше знаний об обстоятельствах, которые присутствовали на момент наступления события, но были скрыты от взгляда обывателя, мы предоставляем умозрительному наблюдателю, тем дальше распространяется сфера последствий, которые мы оценим как «адекватные». В обиходе данную проблему обозначают поговоркой «силен задним умом»⁴.

Можно еще раз отметить, что знания обывателя являются знаниями разумного лица, а знания умозрительного наблюдателя являются знаниями так называемого «опытного наблюдателя», что влечет различную оценку знаний лица для решения практических задач.

Как отмечал К. Ларенц, адекватная причинность, используя критерий «оптимального наблюдателя», утрачивает свое значение для ограничения сферы ответственности лица, обязанного к возмещению убытков⁵.

¹ Ebert I. Op. cit. S. 30.

² Опытный – обладающий большим опытом, практическими знаниями в какой-нибудь области (Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка (<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-39923.htm>)).

³ Larenz K. Op. cit. S. 437.

⁴ Егоров А.В. Указ. соч. С. 76.

⁵ Larenz K. Op. cit. S. 437.

Вторым слабым звеном адекватной причинности является ее так называемый «прокредиторский подход».

Адекватная причинность в большей степени защищает интересы кредитора. Доминирующий прокредиторский подход адекватной причинности объясняется тем, что «границы данной теории простираются, согласно представлениям германских специалистов, весьма далеко»¹.

Ссылаясь на судебное дело BGH NJW 2001, 514, Б.С. Маркесинис указал на обоснованную критику адекватной причинности: «...суд констатировал, что теория адекватной причинности устраняет лишь наиболее невероятные последствия»².

Кроме того, по вопросу доминирования прокредиторского подхода А.С. Комаров высказал следующее мнение: «...в серьезных пограничных ситуациях применение теории адекватной причинной связи может привести к более благоприятным для истца последствиям...»³.

И. Эберт писала, что применение адекватной причинности вызывает недовольство у германских правоведов в связи с тем, что она не способна в должной мере ограничивать размер понесенных убытков. Вместе с тем они предлагают применять другие критерии, способные более эффективно справляться с проблемами ограничения убытков, либо применять адекватную причинность в сочетании с ними⁴.

По данному вопросу К. Ларенц писал, что некоторые правоведы считают учение об адекватной причинности непригодным для ограничения вменения негативных последствий и вместо него предлагают другие критерии вменения. Судебная практика придерживается теории адекватной причинности, но только наряду с другими критериями вменения⁵.

Под «другими критериями вменения», которые могли бы заменить теорию адекватной причинности, указанные авторы имеют в виду так называемую теорию «о цели защиты» (Schutzzwecklehre).

5. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИННОСТИ И ТЕОРИИ «О ЦЕЛИ ЗАЩИТЫ»

Разработчиком теории «о цели защиты» (Schutzzwecklehre) является Э. Рабель (E. Rabel).

---

¹ Егоров А.В. Указ. соч. С. 77. Такой вывод был сделан А.В. Егоровым на основе мнения, высказанного в книге: *Larenz K. Op. cit. S. 438.*

² *Markesinis B.S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. 2nd ed. P. 474; см. также: BGH NJW 2001, 514.*

³ *Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юрид. лит., 1991. С. 136.*

⁴ *Ebert I. Op. cit. S. 31.*

⁵ *Larenz K. Op. cit. S. 437.*

В вопросах режима возмещения убытков Э. Рабель придерживался скорее англо-американских и французских, нежели немецких, подходов. В конечном счете Э. Рабель с учетом позиций германского права адаптировал указанные подходы, исходя из собственных представлений¹.

Сторона договора, допустившая нарушение, должна нести ответственность за последствия нарушения, которые противоречат цели договора. При этом должник несет ответственность не за все возможные и допустимые последствия своих действий, которые противоречат самому существованию договора, а только за тот ущерб, который был причинен непосредственно интересам кредитора, содержащимся в договоре².

Кроме того, Э. Рабель отмечал, что сторона, нарушившая договор, обязана уплатить денежное возмещение, касающееся даже частного ущерба, причиненного кредитору, в случае если он знал о риске причинения такого ущерба и мог его предвидеть до момента заключения договора³.

Обязанность возмещения имеет место лишь в отношении того вреда, который по виду и способу возникновения охватывается охранительной целью нарушенной нормы; таким образом, следует говорить об ущербе, восходящем к опасности, для предотвращения которой издана нарушенная норма или принята нарушенная договорная либо преддоговорная обязанность⁴.

С целью демонстрации особенностей применения своей теории Э. Рабель приводил следующий пример. Продавец, который реализует машинное оборудование фабриканту, несет ответственность за убытки покупателя, в случае если последний не получил данное оборудование в срок, что послужило причиной приостановки ведения его бизнеса, при условии что такие убытки не были чрезмерно завышены. Если же нарушение договора повлекло за собой причинение личного ущерба для покупателя (например, если в результате просрочки поставки оборудования покупателю пришлось отложить частную поездку, в ходе которой ему был причинен вред), то такой ущерб не будет возмещен, так как договор продажи касается непосредственно имущества покупателя, а не его личной безопасности⁵.

Как отмечается в литературе, теория «о цели защиты» применяется при установлении как ответственно-обосновывающей, так и ответственно-наполняющей причинно-следственной связи⁶.

---

¹ *Hellner J.* Op. cit. P. 48.

² *Ibid.* P. 48–49.

³ *Ibid.* P. 49.

⁴ *Vieweg K.* Op. cit. S. 426.

⁵ *Hellner J.* Op. cit. P. 49.

⁶ *Vieweg K.* Op. cit. S. 426.

Применительно к противопоставлению двух теорий Б.С. Маркесинис пишет, что теория «о цели защиты» по сравнению с адекватной причинностью достигает лучших результатов при установлении границы ответственности. Указанная теория является альтернативной по отношению к адекватной причинности, она фокусируется на цели контракта при определении размера ответственности. Природа обязательства и намерения сторон имеют центральное значение при установлении размера ответственности за нарушение контракта. При этом интерпретация контракта являлась для Э. Рабеля решающим фактором¹.

Кроме того, в германской доктрине существуют позиции, согласно которым предлагается растворить теорию адекватной причинности в теории «о цели защиты». Однако другие авторы и судьи, учитывая самостоятельность этих теорий, высказывались менее радикально, допуская вменение последствий какому-либо действию с применением обеих теорий².

На наш взгляд, теория «о цели защиты» по сравнению с адекватной причинностью обладает чертами большей определенности и конкретности при ограничении размера убытков, потому что использование оценочного критерия «цели договора» дает более предсказуемый результат, нежели «абсолютность» адекватной причинности. Однако бесспорно, что в обоих случаях не последнюю роль имеет судебское усмотрение, от которого зависят степень оценки и установление предела возмещения.

Мы считаем, что поиск границы адекватности между нарушением и наступившими убытками сопряжен с большими трудностями для суда по сравнению с установлением предполагаемой «цели договора» и убытками, последовавшими от нарушения. Вместе с тем теория «о цели защиты», на наш взгляд, не оперирует объективными оценочными критериями (здесь нет «опытного наблюдателя») – она концентрируется на субъективных моментах применительно к конкретному договору, при этом отдавая преимущество намерениям сторон.

6. СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ АДЕКВАТНОЙ ПРИЧИННОСТИ И КРИТЕРИЯ ПРЕДВИДИМОСТИ УБЫТКОВ

В российской цивилистике с учетом отсутствия специальных исследований теории адекватной причинности существуют мнения некоторых ученых, указывающие на тождественность теории адекватной причинности и предвидимости убытков. По этой причине мы приведем характеристику и краткое соотношение этих правовых явлений.

Характеризуя предвидимость убытков, следует отметить, что классический вариант этого критерия содержится в ст. 1150 Французского гражданского

¹ *Markesinis B.S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. 2nd ed. P. 474.*

² *Ebert I. Op. cit. S. 34.*

кодекса (далее – ФГК), в соответствии с которым должник несет ответственность только за убытки, которые были предвидены или могли быть предвидены в момент заключения контракта¹.

Вместе с тем критерий предвидимости убытков содержится в гражданском праве Англии, Бельгии, Израиля, Испании, Италии, Квебека, Китая, США, ЮАР, Японии и Шотландии, а также в актах международного частного права – Принципах УНИДРУА (UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts), Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г.) и Принципах Европейского договорного права (Principles of European Contract Law (PECL)).

Учитывая высокое значение нижеприведенных работ, мы укажем на некоторые ошибочные мнения авторов.

Так, Л.А. Лунц писал, что «...ряд буржуазных цивилистов в Германии и Австрии развил для этой цели [приспособления выводов по вопросам причинной связи к интересам монополистических организаций. – В.С.] теорию так называемого «адекватного причинения». Сущность одного из ее вариантов, пользующегося ныне успехом также и в юриспруденции США, заключается в том, что лицо считается причинившим лишь тот результат, который может учесть «разумный человек», или лишь тот результат, который можно учесть или предвидеть с точки зрения «нормального» жизненного опыта. Практически эта «теория» [автор говорит о теории адекватной причинности. – В.С.] вводит в вопрос о причинной связи также совершенно произвольные, субъективистские критерии. Такие субъективистские критерии подменяют вопрос о причинной связи вопросом о вине и создают полный произвол в разрешении этого последнего вопроса. Вопрос же о реально существующей причинной связи явлений таким способом вовсе выкидывается за борт»².

Тем самым, по словам Л.А. Лунца можно установить, что теория адекватной причинности, решая вопросы причинной связи, фактически является самой причинно-следственной связью, а предвидимость убытков – разновидностью теории адекватной причинности. Далее автор пишет, что теория адекватной причинности «вводит субъективистские критерии», тем самым «выкидывая за борт вопрос о реально существующей причинной связи».

¹ См.: Сераков В.В. Исторические аспекты предвидимости убытков. Соотношение предвидимости убытков в ст. 74 Венской конвенции 1980 г. и решении по делу *Hadley v. Baxendale* // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 6. С. 289–302; Он же. Критерий предвидимости убытков. Извлечения из решений избранных арбитражей и судов по вопросу применения критерия предвидимости убытков в контексте ст. 74 Венской конвенции 1980 г. (часть первая) // Вестник международного коммерческого арбитража. 2013. № 1(7). С. 149–173; Он же. Критерий предвидимости убытков. Извлечения из решений избранных арбитражей и судов по вопросу применения критерия предвидимости убытков в контексте ст. 74 Венской конвенции 1980 г. (часть вторая) // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 1(8). С. 149–165.

² Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Юрид. лит., 1950. С. 318.

Кроме того, трудно согласиться с мнением А.В. Егорова, который считает, что адекватная теория причинно-следственной связи широко представлена и, по-видимому, господствует в современном международном частном праве¹. Тем самым А.В. Егоров косвенно указывает на тождественность теории адекватной причинности и предвидимости убытков.

Для обоснования собственной позиции, не согласующейся с мнениями указанных ученых, мы представим соотношение теории адекватной причинности и предвидимости убытков.

Во-первых, теория адекватной причинности имеет объективную, а предвидимость убытков в большей степени субъективную правовую природу.

Объективная правовая природа адекватной причинности с учетом вышеуказанного анализа выражается в том, что она выступает в качестве критерия объективного причисления последствий нарушения к сфере ответственности нарушителя².

Относительно предвидимости убытков мы не отрицаем того, что она использует абстрактный оценочный критерий, имеющий объективную правовую природу, по отношению к должнику и кредитору (английская правовая модель предвидимости убытков³) либо по отношению непосредственно к должнику (французская правовая модель предвидимости убытков). Этот критерий именуется тестом «разумного лица».

Однако предвидимость убытков одновременно с использованием объективного критерия применяет субъективную оценку к личности должника, таким образом учитывая его информированность об обстоятельствах существующего правоотношения с кредитором, которые могут иметь существенное значение при определении размера убытков в случае нарушения договора. Именно информированность должника об обстоятельствах существующего правоотношения с кредитором, в частности о возможности причинения убытков вследствие нарушения, имеет решающую роль.

Кроме того, для установления предвидимости убытков применительно к личности должника существенное значение имеет и его опыт как профессионального участника делового оборота, который также относится к субъективным факторам оценки.

Тем самым, предвидимость убытков имеет субъективно-объективную правовую природу; при этом субъективная составляющая преобладает и имеет первичное значение.

---

¹ Егоров А.В. Указ. соч. С. 77.

² Larenz K. Op. cit. S. 439.

³ Как известно, в прецеденте *Hadley v. Baxendale* предвидимость убытков устанавливалась применительно к личности должника и кредитора (см.: Ансон В.Р. Основы договорного права / Пер. с англ. А.С. Александровского, А.С. Ахманова и С.М. Рапопорта; Под ред. Д.Ф. Рамзайцева. М.: Международная Книга, 1947). Представляется, что предвидимость кредитором убытков является формальным требованием, так как ее наличие фактически предполагается.

Во-вторых, отличительным признаком теории адекватной причинности, также подтверждающим ее объективную правовую природу, является то, что она использует по отношению к должнику оценочный критерий «опытного наблюдателя», тогда когда предвидимость убытков применяет критерий «разумного лица».

По свидетельству К. Ларенца (K. Larenz), «опытный наблюдатель» является «всезнающим человеком»¹.

Относительно критерия «опытного наблюдателя» Г. Трайтель (G. Treitel) писал, что суд в данном случае обращается к знаниям должника обо всех обстоятельствах, которые он знал, а также к дополнительным сведениям, которые были ему известны².

На основании вышеизложенного мы считаем, что «опытный наблюдатель» обладает бóльшим количеством знаний, чем «разумное лицо».

В-третьих, адекватную причинность от предвидимости убытков отличает «встроенность» первой в процесс установления причинно-следственной связи.

Безусловно, предвидимость убытков имеет зависимость от причинно-следственной связи, но говорить в данном случае о ее «встроенности» в процесс установления причинно-следственной связи неуместно по следующим основаниям.

Основываясь на англо-американском праве, можно сказать, что зависимость предвидимости убытков от причинно-следственной связи (causation) проявляется в первичности установления причинной связи и вторичности установления предвидимости убытков. В случае неустановления причинной связи при нарушении договора необходимость в определении предвидимости убытков отпадает по причине того, что отсутствие первого критерия влечет отказ в возмещении убытков, поэтому дальнейшее исследование данного вопроса не имеет смысла. Предвидимость убытков определяется после установления причинной связи; она предназначена для ограничения размера убытков либо – в исключительных случаях – освобождения должника от их возмещения.

Обращаясь к доктрине англо-американского права, можно сослаться на мнение Дж. Читти (J. Chitty), который писал, что важным вопросом отдаленности ущерба в контрактном праве является то, чтобы определенный ущерб был в разумном предположении сторон. Причинная связь между нарушением контракта и понесенным ущербом должна быть доказана в первую очередь. Истец может компенсировать убытки только за те потери, для которых нарушение контракта было «действительной» или «главной» причиной. Суды избегают использования формальных тестов причинности; они полагаются только на общий смысл

¹ Такого же мнения придерживается Я. Йоуссен (*Joussen J. Schuldrecht I – Allgemeiner Teil. Kohlhammer, 2008. S. 344.*).

² *Mehren A.T. von, Treitel G.H. Ch. 16. Remedies for Breach of Contract // Encyclopedia of Comparative Law. Vol. 7: Contracts in General / A.T. von Mehren (ed.). Brill, 2008. P. 66.*

руководящих решений, когда нарушение контракта в достаточной мере является существенной причиной ущерба¹.

В-четвертых, наиболее принципиальное отличие теории адекватной причинности от предвидимости убытков проявляется в вопросе о времени их установления: адекватная причинная связь устанавливается на момент нарушения, а предвидимость убытков – на момент заключения контракта.

В-пятых, теория адекватной причинности в большей степени защищает интересы кредитора (прокредиторский подход), тогда как предвидимость убытков направлена на избавление должника от сверхкомпенсации убытков, находящихся за рамками его предвидения, т.е. в большей мере способствует защите интересов должника (продебиторский подход).

Как писал Г. Трайтель, предвидимость убытков занимает строгие позиции по отношению к определению размера убытков: она ставит границу возмещения там, где теория адекватной причинности проявляет к кредитору свое лояльное отношение, присуждая больший размер убытков².

В-шестых, последним аргументом отграничения теории адекватной причинности от предвидимости убытков являются политико-правовые убеждения германских правоведов.

Полагаем, что для германской правовой системы критерий предвидимости, широко применяемый в правовых системах Англии и США, является чуждым; именно по этой причине было принято решение идти по самостоятельному пути, абсолютно противоположному предвидимости убытков, и вырабатывать свои подходы по вопросу ограничения размера убытков.

Тем не менее наряду с указанными различиями адекватная причинность и предвидимость убытков имеют схожий подход. По сути, этот подход приводит к отрицательному результату, так как по общему правилу предвидимость убытков и адекватность убытков не устанавливаются в случае умышленного нарушения.

Так, по вопросу установления адекватности причиненных убытков германская судебная практика занимает категорическую позицию, в соответствии с которой результат умышленных действий и их последствия всегда адекватны³.

Схожая позиция содержится во французском праве. Учитывая содержание ст. 1150 ФГК, можно установить, что критерий предвидимости убытков не применяется в случае, «если обязательство не было исполнено вследствие умысла должника» (курсив мой. – В.С.).

---

¹ Chitty on Contracts / H.G. Beale (ed.). Vol. I: General Principles. 30th ed. Sweet & Maxwell, 2008. P. 1617.

² Mehren A., Treitel G.H. Op. cit. P. 68.

³ BGH 79, 259, 262.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ввиду всего вышеизложенного теорию адекватной причинности можно охарактеризовать следующим образом:

- теория «встроена» в процесс установления причинно-следственной связи;
- теория имеет объективную правовую природу;
- оценка адекватности последствий нарушения осуществляется применительно к должнику;
- при установлении адекватности последствий нарушения поведение должника оценивается при помощи критерия «опытного наблюдателя»;
- адекватность последствий нарушения устанавливается на момент нарушения обязательства;
- адекватная причинность присутствует, если поведение должника привело к определенному результату в отсутствие необычных и невероятных обстоятельств;
- последствия умышленных действий должника всегда являются адекватными.

Кроме всего прочего, применительно к вопросу о «встроенности» теории адекватной причинности оценка наличия адекватной причинности производится при установлении как ответственно-обосновывающей, так и ответственно-наполняющей причинно-следственной связи. При этом адекватная причинность призвана ограничить разумными пределами круг причин, который не был ограничен эквивалентной каузальностью.

Что касается практики правового применения адекватной причинности и ее соотношения с другими критериями, то в германской судебной практике и литературе мнения как судей, так и правоведов расходятся: одни выступают за то, чтобы растворить теорию адекватной причинности в противопоставляемой ей теории «о цели защиты», другие – за возможность применения обеих теорий в вопросе ограничения размера убытков.

Кроме того, по вопросу соотношения теории адекватной причинности и предвидимости убытков, учитывая все вышеприведенные различия, следует отметить, что категорически не следует отождествлять эти правовые явления. Тем не менее адекватная причинность и предвидимость убытков решают общую задачу, связанную с ограничением размера понесенных убытков.

Суммируя, полагаем, что несмотря на всю критику адекватной причинности она имеет центральное значение в германском праве и судебной практике при решении вопроса ограничения убытков и успешно справляется с возложенной на нее задачей, хотя и проявляет излишнюю лояльность по отношению к кредитору.

REFERENCES

Anson W.R. Osnovy dogovornogo prava [Principles of the Law of Contract] (in Russian) / Trans. from English by A.S. Aleksandrovsky, A.S. Akhmanov and S.M. Rapoport; Ed. by D.F. Ramzaitsev. M., 1947.

Ebert I. in: Ermans Handkommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Mit AGG, EGBGB (Auszug), ErbbauRG, HausratsVO, LPartG, ProdHaftG, UKlaG, VAHRG und WEG / H.P. Westermann (Hg.). O. Schmidt, 2008.

Egorov A.V. Upushchennaya vygoda: problemy teorii i protivorechiya praktiki [Loss of Profit: Problems of Theory and Practice Contradictions] (in Russian) // Damages and Recovery Practice: Collection of Articles / M.A. Rozhkova (ed.). M., 2006.

Hellner J. The limits of contractual damages in the Scandinavian Law of sales (= Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia juridica Stockholmiensia. Issue 25). Almqvist & Wiksell, 1966.

Joussen J. Schuldrecht I – Allgemeiner Teil. Kohlhammer, 2008.

Kahn-Freund O. Remoteness of Damage in German Law // Law Quarterly Review. 1934. Vol. 50. P. 512.

Komarov A.S. Otvetstvennost' v kommercheskom oborote [Liability in Commercial Circulation] (in Russian). M., 1991.

Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. 1: Allgemeiner Teil. 14. neubearb. Aufl. C.H. Beck, 1987.

Markesinis B.S., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. 4th ed. Hart Publishing, 2002.

Markesinis B.S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. 2nd ed. Hart Publishing, 2006.

Matveev G.K. Osnovaniya grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti [Cause of Civil Liability] (in Russian). M., 1970.

Mehren A.T. von, Treitel G.H. Ch. 16. Remedies for Breach of Contract // Encyclopedia of Comparative Law. Vol. 7: Contracts in General / A.T. von Mehren (ed.). Brill, 2008.

Novitsky I.B., Lunts L.A. Obschchee uchenie ob obyazatel'stvakh [Common Studies of the Obligations] (in Russian). M., 1950.

Schapp J. Sistema germanskogo grazhdanskogo prava: Uchebnik dlya vuzov [The System of the German Civil Law: Textbook] (in Russian) / Trans. from German by S.V. Korolev. M., 2006.

Serakov V.V. Istoricheskie aspekty predvidimosti ubytkov. Sootnoshenie predvidimosti ubytkov v st. 74 Venskoj konventsii 1980 g. i reshenii po delu *Hadley v. Baxendale* [Historical Aspects of Foreseeability of Damages. Comparison between Foreseeability of Damages in Art. 74 of the 1980 Vienna Convention and Case *Hadley v. Baxendale*] (in Russian) // Civil Law Review. 2012. Vol. 12. No. 6.

Serakov V.V. Kriterii predvidimosti ubytkov. Izvlecheniya iz reshenii izbrannykh arbitrazhei i sudov po voprosu primeneniya kriteriya predvidimosti ubytkov v kontekste st. 74 Venskoi konventsii 1980 g. (chast' pervaya) [The Criterion of Foreseeability of Damages. Extracts from Selected Arbitral Awards and Court Decisions on the Application of the Criterion of Foreseeability of Damages under Art. 74 of the 1980 Vienna Convention (first part)] (in Russian) // International Commercial Arbitration Review. 2013. No. 1(7).

Serakov V.V. Kriterii predvidimosti ubytkov. Izvlecheniya iz reshenii izbrannykh arbitrazhei i sudov po voprosu primeneniya kriteriya predvidimosti ubytkov v kontekste st. 74 Venskoi konventsii 1980 g. (chast' vtoraya) [The Criterion of Foreseeability of Damages. Extracts from Selected Arbitral Awards and Court Decisions on the Application of the Criterion of Foreseeability of Damages under Art. 74 of the 1980 Vienna Convention (second part)] (in Russian) // International Commercial Arbitration Review. 2014. No. 1(8).

Ushakov D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Great Dictionary of the Russian Language] (in Russian) (<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-39923.htm>).

Vieweg K. in: J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen: Eckpfeiler des Zivilrechts. Neubearbeitung 2008. Sellier; De Gruyter, 2008.

Zweigert K., Kötz H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2 t. T. II. Dogovor. Neosnovatel'noe obogashchenie. Delikt [Introduction to Comparative Law. Contract. Unjust Enrichment. Tort] (in Russian). M., 1998.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serakov V.V. (Moscow) – Master of Private Law, Examiner-in-chief at the Arbitration and Mediation Center of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (109012, Moscow, Ilyinka st., 6; e-mail: vvserakov@gmail.com).